

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»**

А.А. Бронзов

"Христианское" самолюбие

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1897. № 8. С. 239-264.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](#) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

„ХРИСТИАНСКОЕ“ САМОЛЮБІЕ¹⁾.

ПО ВОПРОСУ о любви человѣка — христіанина къ самому себѣ²⁾ приходится выслушивать самыя противорѣчивыя миňнія и сужденія. По взгляду однихъ лицъ, о какомъ-либо «самолюбії», даже въ лучшемъ его смыслѣ, нельзя говорить въ христіанскомъ обществѣ, гдѣ вся любовь членовъ послѣдняго должна быть направлена на Бога и на окружающую ихъ среду; любовь — же къ себѣ — явленіе, не согласное съ христіанскимъ духомъ, и проч. Такія лица утверждаютъ, что вопросу о «христіанскомъ» самолюбії не должно быть мѣста въ системѣ христіанского нравоученія. Другіе впадаютъ въ противоположную крайность. Человѣку, говорять, присуща естественная — внутренняя потребность, заставляющая его въ отношеніяхъ къ самому себѣ руководствоваться только чувствомъ любви. Въ силу этого, чтѣ бы — ни дѣмалъ человѣкъ, какъ бы — ни велъ онъ себя, всюду фигурируетъ данное именно чувство, проявляющееся многоразлично и разнообразно; даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, повидимому, это чувство уступило мѣсто противоположному ему, въ дѣйствительности — на лицо оно, а не послѣднєе, стоять только поближе присмотрѣться къ дѣлу. Отсюда, — говорять такія лица, — самолюбіе законно во всѣхъ его обнаруженіяхъ. А такъ какъ, — продолжаютъ они, — потребность любить самого себя у человѣка сильнѣе потребности (да и можно ли еще о ней говорить?) любить окружающую его среду, то странно отъ

¹⁾ По поводу превратнаго пониманія его иѣкоторою частью современного общества.

²⁾ Мы имѣли у себя: „System der christlichen Sittenlehre“ — Dorner'а (Berlin, 1885), также правоучительныя системы Wuttke, Frank'a, Beck'a, Schwane, Kibbel'я, Мартенсена и друг.

него требовать проявления любви къ послѣдней, равной его любви къ самому себѣ, а тѣмъ болѣе — какого либо само-ожертованія въ пользу ближнихъ и т. д. Не касаясь пѣ-которыхъ другихъ ходячихъ взглядовъ по данному вопросу, постараемся *кратко*, памѣтая лишь *общія* основы дѣла, по опредѣленно выяснить истинную сущность послѣдняго.

Имѣеть ли право человѣкъ любить самого себя? Несо-мѣрно. Дѣло въ томъ, что онъ созданъ *по образу Божию* (Быт. I, 26. 27¹); ему присущи черты Богоподобія (Іак. III, 9); люди — *родъ Божій* (Дѣян. XVII, 29)²... Слѣдо-вательно, какъ нельзя болѣе ясно, что человѣкъ, какъ такой, стоитъ немаловажной цѣны, что его достоинство неоспоримо и высоко. Самъ Создатель любить человѣка, любить въ немъ Свой образъ, Свое подобіе. Изъ любви къ человѣку, не пре-кратившейся даже и послѣ самоволынаго нарушенія имъ въ раю божественной заповѣди, Богъ — Сынъ искходить на землю, страдаетъ и умираетъ. Если же Самъ Богъ возлюбилъ человѣка (Іоанн. IV, 10), то отсюда прямой вы-водъ — тотъ, что и человѣкъ имѣеть право любить себя. Онъ даже долженъ любить себя, такъ какъ иначе онъ не любилъ бы того, что составляетъ предметъ любви Божіей. Все это — ясно. И Слово Божіе смотрѣть на любовь человѣка къ себѣ, конечно, одобрительно. Изъ двухъ важнѣй-шихъ заповѣдей, на которыхъ *утвержддаются всі законъ и пророки*, вторая формулируется слѣдующимъ образомъ: *воз-люби ближнѧго твоего, какъ самого себя* (Мате. XXII, 39. 40)³). Если не прямо, то косвенно здѣсь говорится о поз-волительности человѣку любить себя, потому что заповѣдуется ему любить своего ближняго таѣ-же, какъ онъ любить себя. Послѣ рѣчи о любви человѣка къ Богу (первая заповѣдь) Спаситель сразу же переходитъ къ рѣчи о любви человѣка къ ближнему, пропуская рѣчь о любви человѣка къ себѣ, потому что эта любовь и безъ всякихъ повелѣній и узаконеній имѣеть мѣсто. Такъ какъ она, конечно, всегда бы-ваетъ искрепла и сильна, то естественно и указывается Гос-подомъ въ качествѣ образца и мѣры, по какимъ памъ надле-

¹) *И сотвори Богъ чловѣка, по образу Божию сотвори его...*

²) *Родъ убо суще Божій, не должны есмы...*

³) *...возлюбили искрепленію твоего, яко самъ себе... Въ сию обую заповѣдію* (разумѣются заповѣди о любви къ Богу и ближнему) *весь законъ и пророки висятъ.*

житъ любить и ближнихъ своихъ. Любовь къ самому себѣ человѣкъ долженъ, по слову Спасителя, цѣликомъ неренести и на ближняго. Если законна любовь къ послѣднему, то не менѣе законна и любовь человѣка къ себѣ. Это — вполнѣ ясно изъ словъ Господнихъ. О *рожденномъ отъ Бога* св. ап. Иоаннъ замѣчаетъ, что онъ *хранитъ себя* (1 Иоанн. V, 18) ¹⁾. Какъ, спрашивается, возможно говорить о самосохраненіи помимо чувства любви къ себѣ? Самосохраненіе и любовь къ себѣ — моменты однородны... Словомъ, что мы имѣемъ право и должны любить себя, это — истина, оправдываемая твердыми данными.

Какъ намъ надлежитъ проявлять любовь къ себѣ? Что въ себѣ мы имѣемъ право и должны любить? — Человѣкъ, какъ сказано, существо — достопочтенное, поскольку онъ — образъ Божій, по скольку въ немъ — человѣкъ — имѣть мѣсто Богоподобіе, поскольку онъ — чадо Божіе, твореніе Божіе. Ясно, что наша любовь къ себѣ должна имѣть у себя въ виду эти и только эти моменты. Если въ ея сферу привѣзьдетъ что-либо сверхъ и помимо ихъ, то это будетъ уже, такъ сказать, моментъ чужеядный, подлежащій удаленію, искорененію. Короче: мы должны любить въ себѣ только истинно-высокое, только богоподобное и, слѣдовательно, ненавидѣть — все пизменное, все грубо — чувственное. Таково «христианское» самолюбіе уже на самый первый взглядъ. Затѣмъ, какъ сказано, Богъ любить человѣка настолько, что ради него испыталъ страданія и вкусила крестную смерть воплотившіяся Сынъ Божій. Божія любовь къ намъ, какъ любовь, со стороны ея свойствъ, совершенная, естественно и должна служить для насть образцомъ. Иначе сказать: мы должны любить самихъ себя такъ, какъ мы сами являемся объектомъ божественной любви, какъ насть любить Самъ Богъ. Если Господь страдалъ и умеръ для того, чтобы искунить насть отъ грѣха и его слѣдствій, то, конечно, тѣмъ болѣе мы сами должны стараться о томъ, чтобы и словомъ, и дѣломъ отречься отъ своего грѣховнаго я, отъ всего того, чѣмъ человѣкъ стать послѣ и вслѣдствіе райскаго грѣхопаденія, чтобы взирать на свое идеальное я, какимъ оно должно было явиться по мысли Творца и какимъ оно и было бы, если бы первый человѣкъ не палъ, — на то я, которое конкретно заявило о себѣ въ

¹⁾ .. *рожденный отъ Бога блаждеть себе...*

божественной личности Господа нашего Иисуса Христа, въ личности Богочеловѣка. Любя или, по крайней мѣрѣ, всячески стараясь о томъ, чтобы полюбить это истинное свое я, мы и и будемъ проявлять вполнѣ нормально чувство любви къ себѣ.

Имѣя въ виду, что христіанское самолюбіе возможно только при указанныхъ условіяхъ, при нашемъ отреченіи отъ своего грѣховнаго (эмпирическаго) я, каждый долженъ понимать, что оно, т. е., самолюбіе истинное, не можетъ быть разсматриваемо — какъ нѣчто легкое, какъ нѣчто само собою предполагаемое и потому вообще малоцѣнное въ смыслѣ нравственного подвига. Христіанское самолюбіе, напротивъ, дѣло весьма трудное, требующее для себя великихъ съ нашей стороны усилий, великихъ подвиговъ, напряженія всѣхъ нашихъ лучшихъ и высшихъ способностей. Оно — великая добродѣтель, не меньшая, чѣмъ какая бы то ни было изъ остальныхъ. Сколько нибудь иначе понимаемое, самолюбіе уже не будетъ нормальнымъ, оно будетъ фальшиво. При столь важномъ значеніи христіанского самолюбія, рѣчи о немъ должно отводиться почетное мѣсто въ системѣ христіанского нравоученія. Другое слѣдуетъ сказать, конечно, въ томъ случаѣ, когда имѣютъ въ виду фальшивое самолюбіе, ненормальное, самолюбіе такъ называемаго естественнаго человѣка. Отличительная особенность его: эгоизмъ, конечно, въ грубомъ смыслѣ слова. Стремленія естественнаго человѣка направляются къ тому лишь, чтобы его я, т. е., эмпирическое, грѣховное, какъ — либо не пострадало отъ кого-нибудь или чего-нибудь, — чтобы его, проникнутые чувственнымъ элементомъ, порывы не встрѣчали себѣ препятствій къ ихъ удовлетворенію;... словомъ, чтобы всюду на первомъ мѣстѣ было его я, отмѣченное тѣми чертами, и только оно одно. Отсюда — грубая и дикая «борьба за существованіе» — явленіе, проникающее всѣ взаимоотношенія естественнаго человѣка. Разумѣется, и здѣсь бывали и бываютъ попытки видоизмѣнить дѣло къ лучшему; но эти попытки — вообще единичны; ихъ характеръ нерѣдко — только лишь теоретическій..., и конечный результатъ даже наиболѣе лучшихъ изъ нихъ обыкновенно — неутѣшительный, такъ какъ подъ ними не оказывается достаточно прочной почвы: цѣль, преслѣдуемая ими, въ концѣ концовъ всегда фальшива, никогда не можетъ быть примирена съ требованиями и духомъ чистаго нравственнаго закона и т. д. — Слов-

вомъ, самолюбіе, какъ нравственно — доброе явленіе, возможно только въ христіанствѣ.

Выяснивъ, что человѣкъ имѣть право и обязанъ любить себя, что его любовь при этомъ должна простираться на его идеальное я, а не на грѣховное (эмпирическое), что христіанское самолюбіе — великая добродѣтель и что нравственно — доброе самолюбіе виѣ христіанства немыслимо, — памѣтимъ общія особенности христіанской любви человѣка къ самому себѣ.

Христіанское самолюбіе имѣть великое значеніе въ нравственной жизни христіанина, побуждая послѣдняго къ большему и большему нравственному самоусовершенствованію. Усовершая себя, болѣе или менѣе удачно подвигаясь на этомъ пути впередъ, христіанинъ, съ одной стороны, сознаетъ, что ему въ этомъ отношеніи существенно содѣйствуетъ божественная помощь. Отсюда онъ преисполнится спокойнымъ и радостнымъ чувствомъ, такъ какъувѣренъ, что въ будущемъ также помочь станетъ содѣйствовать ему, — знаетъ, что можетъ надѣяться на послѣднюю. Это — съ одной стороны. Съ другой, поскольку при этомъ онъ оглядывается на свои личныя силы, онъ преисполнится чувствомъ смиренія, именно въ виду своей собственной немощи. Итакъ, чувство смиренія, чувство надежды на Божіе содѣйствіе, чувство радости, чувство благодарности къ Богу за Его помощь — вотъ тѣ оттѣнки, которыми характеризуется общій обликъ христіанского самолюбія. Но пойдемъ дальше. Христіанское самолюбіе, какъ и самолюбіе естественного человѣка, въ своемъ проявленіи имѣть въ виду у себя прежде всего самого даннаго субъекта, о самолюбіи котораго говорится, а затѣмъ — и окружающую этого субъекта среду. Разсматриваемое въ первомъ отношеніи — оно обнаруживается съ двухъ сторонъ: отрицательной и положительной. Съ отрицательной стороны оно понимается — какъ справедливость человѣка къ самому себѣ. Истинно — справедливый въ отношеніи къ самому себѣ человѣкъ, уважая высшія качества своего я, съ инымъ чувствомъ относится къ низменнымъ изъ нихъ, грубымъ: если онъ всячески заботится о неприкословенности первыхъ, то послѣднія, наоборотъ, по мѣрѣ своихъ силъ искореняется, подавляется или, если можно, облагораживается. При условіи такого справедливаго отношенія его къ себѣ, его внутренній міръ очищается, проясняется, приобрѣтаетъ желательный видъ. Разсматриваемое съ положительной стороны, христіанское самолюбіе, поскольку

не имѣется въ виду окружающая человѣка среда, проявляется уже не въ сохраненіи только внутреннихъ богатствъ субъекта, а въ возможно — болѣшемъ ихъ пріумноженіи, иначе сказать: въ возможно — болѣшемъ развитіи въ желательную сторону его внутреннихъ, духовныхъ силъ и способностей, чтѣ, впрочемъ, имѣть все значеніе и въ отношеніи къ его силамъ и способностямъ также и внѣшняго, тѣлеснаго свойства. Если же разсматривать христіанское самолюбіе въ виду окружающей человѣка среды, то ему присущи черты, своюю совокупностью составляющія такъ называемую честность. И здѣсь усматриваются въ отдѣльности также двѣ стороны: положительная и отрицательная. Имѣя въ виду послѣднюю, будемъ разумѣть проявленіе человѣкомъ чертъ независимости въ отложеніи къ окружающей его средѣ, — независимости, конечно, въ лучшемъ, нравственно — добромъ смыслѣ этого слова, — а также — стремленіе его спискать себѣ должное уваженіе со стороны той же среды. Съ положительной стороны христіанское самолюбіе въ данномъ случаѣ должно преслѣдоваться ту цѣль, чтобы субъектъ, проявляя себя въ дѣятельности, обнаруживалъ истинное свое содержаніе, чтобы инымъ отношеніемъ къ этому дѣлу не вводить окружающихъ его въ обманъ. Короче: отъ него требуется правдивость въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Если христіанинъ, въ силу своего самолюбія, самостоятеленъ въ отношеніи къ другимъ, окружающимъ его, лицамъ, то, въ силу той же причины, онъ уважаетъ себя настолько, что не позволяетъ себѣ обнаруживать свой внутренній міръ предъ другими людьми въ свѣтѣ, скольконибудь расходящемся съ наличною дѣйствительностію: его внѣшнее поступаніе — точнѣйшій и вѣрнѣйшій показатель его внутренняго настроенія. Это — разъ. Затѣмъ, во вторыхъ, каждому человѣку указано Творцомъ извѣстное положеніе въ мірѣ, расчитанное на то, между прочимъ, чтобы люди, взаимно помогая другъ другу, тѣмъ самымъ облегчали себѣ дѣло достижения ими своего конечнаго назначенія. Здѣсь предстоитъ для человѣка пѣкоторая трудность: ложное самолюбіе можетъ остановиться на выборѣ такого положенія, которое въ дѣйствительности не гармонируетъ надлежащимъ образомъ съ индивидуальными особенностями данного субъекта; истинное самолюбіе должно зорко присматриваться къ своей задачѣ, чтобы здѣсь не впасть въ ошибку. Когда оно избѣжитъ послѣдней и когда затѣмъ владѣющій имъ человѣкъ будетъ въ своей

жизни строго върепъ разъ избранному имъ положенію, тогда состояніе дѣла будетъ нормально, — тогда данный субъектъ окажеть извѣстную долю благотворного вліянія и на окружающую его среду и проч.

Отъ общихъ особенностей христіанского самолюбія перейдемъ къ частностямъ.

Обращаясь къ послѣднимъ и пока рассматривая христіанское самолюбіе виѣ отношеній человѣка къ окружающей его средѣ, по порядку остановимъ свое вниманіе сначала на тѣлесной сторонѣ жизни человѣка, какъ объектѣ, съ какимъ имѣеть дѣло тотъ, а затѣмъ и на духовной, понимаемой въ смыслѣ такого же объекта.

Самолюбіе всякаго человѣка, направленное на тѣлесную сторону послѣдняго, преслѣдуєтъ пріобрѣтеніе однихъ, удержаніе другихъ и проч. тѣлесныхъ благъ, каковы: прежде всего и важнѣе всего — самая тѣлесная жизнь человѣка, затѣмъ его внѣшняя красота, материальная собственность и т. под.

Къ удивленію, человѣкъ не всегда бываетъ расположень цѣнить указанныя и подобныя имъ блага. Иногда онъ рѣшишательно пренебрегаетъ ими, отказывается отъ нихъ, не желая продолжать даже и самую свою тѣлесную жизнь. О *самоубійствахъ*¹⁾ исторія докладываетъ намъ издавна. Люди насильственно лишали и лишаютъ себя жизни по различнымъ причинамъ. Для примѣра припомнимъ изъ библейской исторіи случаи: съ Самсономъ (Суд. XVI, 30), Сауломъ (1 Цар. XXXI, 4) и его оруженосцомъ (—5), съ Ахитофеломъ (2 Цар. XVII, 23), съ Іудою Искаріотомъ (Мо. XXVII, 5) и т. д. (сравн. Дѣян. XVI, 27). Причины, приведшія каждого изъ этихъ лицъ къ самоубійству, были разнобразны. Такъ, Сауль лишилъ себя жизни, боясь, что филистимляне *не убили* его и не стали надъ нимъ *издѣватъся*; оруженосецъ его тоже сдѣлалъ съ собою, *увидѣвъ*, что *Саулъ умеръ*. Ахитофела привело къ самоубійству то обстоятельство, что былъ оставленъ безъ исполненія извѣстный его совѣтъ. Условія, подготовившія самоубійство Іуды-предателя, всѣмъ извѣстны... Въ наше время, когда самоубійства (особенно въ густо населенныхъ центрахъ) встречаются постоянно (съ нихъ говорить

¹⁾ По этому, какъ и по другимъ вопросамъ, нами будетъ выяснена лишь сущность, лишь основа дѣла, подробности же будутъ по-возможности устраниены (ср. замѣчан. въ началѣ статьи)

ежедневная «хроника» событий и происшествий), рассматриваемая причины разнообразятся еще более. Первое место здѣсь занимаютъ всякаго рода страсти. Неудовлетвореніе ихъ доводить слабыхъ субъектовъ до отчаянія, разрѣшающагося самоубійствомъ. Въ качествѣ такихъ же причинъ выступаютъ и другія, конечно, обстоятельства, о которыхъ отчасти будетъ мимоходомъ сказано ниже (перечисленіе всѣхъ или большей части ихъ для нашихъ цѣлей — излишне)... Итакъ, люди самовольно налагаютъ на себя руки. Между тѣмъ жизнь, какъ замѣчено выше, есть благо, благо весьма цѣнное. Отъ многихъ благъ человѣкъ можетъ отказаться, при чемъ его нравственное я отъ этого не только не пострадаетъ, но даже можетъ многое выиграть (напр., отказъ пользоваться материальными богатствомъ и благоразумное распределеніе его между бѣдными — похвальное явленіе и проч.). Но можетъ-ли человѣкъ отказаться отъ данного блага, т. е., отъ своей тѣлесной жизни? Если не имѣть права, то — почему, — и что въ его пожеланіи продолжать эту жизнь является нравственно-дурнымъ моментомъ? Обращаясь къ Слову Божію, здѣсь неходимъ прямыхъ воспрещеній *самоубійства*. Косвенно такое запрещеніе, конечно, высказано въ данномъ источнике и именно въ шестой заповѣди 10 — словія: *не убей!*¹⁾ Ясно, что, если воспрещается убійство вообще, то оно воспрещается и въ томъ случаѣ, когда убиваемымъ субъектомъ является самъ же убивающій. Почему послѣдній въ данномъ случаѣ права не имѣть дѣлать то, что дѣлаетъ? Потому, что онъ здѣсь похищаетъ чужую собственность. *Не знаете ли*, говорить св. ап. Павелъ, *что тѣла ваши суть храмы живущаго въ васъ Святаго Духа, Котораго имѣете вы отъ Бога, и вы не свои* (1 Кор. VI, 19)?²⁾ Сравн. Римл. XIV, 7 и слѣд. 2 Кор. V, 15. Филип. I, 21 и слѣд. Мы принадлежимъ Богу, сотворившему насъ и давшему намъ известное назначение, отказаться отъ исполненія котораго мы не имѣемъ права: насъ можетъ разрѣшить отъ нашихъ обязанностей только Назначившій ихъ намъ — и никто больше. Иисусъ Христосъ пострадалъ и умеръ за насъ, искупилъ насъ Свою пречистою кровью. Мы — Его собственность. Богъ даровалъ

¹⁾ Исх. XX, 13.

²⁾ Или не вместе, яко тѣлеса ваша храмы живущаго въ васъ святаго Духа суть, егоже имате отъ Бога, и ильсте свои?

намъ Духа Святаго, вселившагося въ насъ: мы — Его храмъ. Словомъ, власти надъ своею жизнью мы не имъемъ: лишая себя жизни, похищаемъ, какъ и сказано выше, чужую собственность, самовольно оставляемъ посты, назначенный памъ свыше, уходимъ, не исполнивъ своихъ обязанностей, проявляемъ крайнее неповиновение Богу, попираемъ Его божественную волю, свои личные — эгоистические чувства ставимъ выше всего: намъ, видите ли, угрожаютъ какія-либо бѣдствія, зло (физическое, нравственное), мы не можемъ удовлетворить своихъ страстей..., и вотъ, чтобы избавиться отъ труда переносить тѣ бѣдствія, то зло, чтобъ избавиться отъ докучливости страстей, для борьбы съ которыми наша воля безсильна и проч., мы однимъ взмахомъ сбрасываемъ съ себя непріятное намъ бремя. Всѣ оправданія, какія въ данномъ случаѣ приводятся и могли бы приводиться, не могутъ быть признаны сколько нибудь состоятельными, всецѣло блѣднѣя предъ непослушаніемъ волѣ Божией, предъ нежеланіемъ ввѣриться божественному Промыслу, все направляющему къ лучшему... Допустимъ: человѣкъ лишился своего имущества...,уваженія со стороны близкихъ и проч. Если онъ — человѣкъ, вѣрующій въ Бога, если онъ даже только человѣкъ съ твердою волею, не трусъ, то онъ не поддастся отчаянію, будетъ бороться съ невзгодами..., и выйдетъ побѣдителемъ, вновь пріобрѣтеть потерянное. Кромѣ того, онъ будетъ соображать, что жизнь — дороже имущества, что важнѣе самому уважать себя, быть честнымъ предъ своею совѣстью, чѣмъ только пользоваться уваженіемъ со стороны другихъ, часто судящихъ о человѣкѣ ложно, и т. д. и т. д. Даже въ такихъ случаяхъ, какъ напр., насильственное похищеніе чести у женщинъ, трудно сказать: можно ли имъ, т. е., обезчещеннымъ женщинамъ, парадать на себя руки? Вѣдь онѣ, являясь пассивнымъ матеріаломъ въ рукахъ озвѣрѣлыхъ людей, истинной чести не теряютъ. Отсюда всякий истинно-порядочный человѣкъ не перестанетъ уважать ихъ и послѣ этого несчастнаго, постигшаго ихъ, случая. Нѣкоторое изъ отцовъ и учителей христіанской церкви (напр., бл. Августинъ) подобнымъ именно образомъ и смотрятъ на дѣло. Впрочемъ, другіе (напр., св. И. Златоустъ) высказываютъ иной взглядъ, зависящій, однако, отъ нѣсколько своеобразной ихъ точки зрѣнія. Говоря о гнусности самоубийства, мы не имѣемъ въ виду нѣкоторыхъ особыхъ въ данномъ случаѣ явлений: разумѣемъ добровольное преданіе христіани-

номъ себя самого на мученія за вѣру, жертвованіе своею жизнью ради сохраненія жизни ближняго, шествованіе на вѣрную или почти на вѣрную смерть на войнѣ съ врагами отечества и т. д. Всѣ такого рода явленія занимаютъ особое положеніе: смерть за вѣру—не противленіе, по— послушаніе Божіей волѣ, смерть за близкаго—вышнее проявленіе требуемой Богомъ любви къ нашимъ братьямъ (Іоан. III, 16; особенно: Іоан. XV, 13), смерть за отечество—въ сущности аналогичное же явленіе, т. е., подобное смерти субъекта за своихъ соотечественниковъ, за наиболѣе близкихъ людей и т. под. Таковъ взглядъ на дѣло при христіанской точкѣ зрѣнія на него. При не-христіанской дѣлѣ получаетъ, конечно, иную окраску. Язычникъ обыкновенно полагалъ предѣломъ своего бытія рамки только земной жизни; истина бессмертія или вовсе не предносила его уму, или предносила слишкомъ смутно; вопросъ о воздаяніи въ загробной жизни, даже въ случаѣ признанія ея, былъ подчеркиваемъ далеко недостаточно... Отсюда язычникъ,—разъ привели его къ тому обстоятельства, — спокойно налагалъ на себя руки, желая избавиться отъ угрожавшаго ему зла и на вѣки успокоиться. Съ языческой точки зрѣнія въ самоубійствѣ не было ничего нравственно-дурного. Во времена римской имперіи религіозныя вѣрованія римлянъ упали въ высшей степени; не мирившимися съ новымъ порядкомъ вещей овладѣло отчаяніе, — и вотъ они, не видя впереди себя ничего утѣшительного, нерѣдко оканчивали жизнь самоубійствомъ. Катонъ, не считавший возможнымъ для себя примириться съ гибелью республиканского строя, налагаетъ на себя руки..., и его хвалить. Даже лучшіе выразители стоицизма (напр., Маркъ Аврелій) въ пѣкоторыхъ случаяхъ совѣтуютъ прибѣгать къ самоубійству... Были, конечно, и среди язычниковъ отдѣльныя личности, иначе смотрѣвшія на дѣло: напр., Сократъ предъ смертью высказываетъ взглядъ, что самовольно лишать себя жизни мы не можемъ, потому что это значило бы самовольно оставить назначенный намъ богами постъ... («Федопъ»). Нѣкоторыми языческими мыслителями слегка оттѣнялись подобныя идеи, но лишь пѣкоторыми, только единицами, да и то, обыкновенно, не достаточно ясно. Но, что въ языческомъ мірѣ было вполнѣ понятно, въ христіанскомъ, какъ мы видѣли, получаетъ совсѣмъ иное освѣщеніе. Отсюда удивительны отношенія къ самоубійству, имѣющія мѣсто въ наши дни. При

настоящемъ упадкѣ религіозныхъ убѣждений,—упадкѣ, отрицать котораго мы не можемъ, не закрывъ своихъ глазъ на то, что происходитъ,—случаи самоубийства, какъ и замѣчено выше, очень часты. Это—понятно. Но менѣе понятно, на первый взглядъ, нерѣдко весьма участливое отношеніе къ самоубийцамъ со стороны нашего общества, считающаго ихъ то мучениками, то вообще героями (стдить припомнить, напр., похороны д-ра Коломнина, происходившія на нашихъ глазахъ въ С.-Петербургѣ въ концѣ 1886 г.) и т. д. Конечно, и это участіе понятно, если присмотрѣться къ нему поближе: оно кроется въ той же *мѣло*—или *безрелигіозности* выражаютъ его лицъ, закрывающихъ глаза на истинный смыслъ дѣла.

По своему существу однородна съ самоубийствомъ и такъ называемая *дуэль*. Она въ различныхъ формахъ заявляетъ о себѣ уже съ давнихъ поръ. Вовсе не имѣя ни намѣренія, ни нужды излагать ея исторію¹⁾, припомнимъ средневѣковые «Божіи суды», также рыцарскіе «турниры». Въ тѣхъ и другихъ обыкновенно и усматриваются источникъ разматриваемаго нами явленія. Сильно распространенное на западѣ, оно издавна известно и у насъ: сначала подъ формою «Божіихъ судовъ» (напр., во времена Иоанна Грознаго), а послѣ,—когда съ запада потекла къ намъ культура и вмѣстѣ съ нею всякаго рода западная «гниль»,—и въ современномъ его видѣ, перенесенномъ нами съ чужбины. Православная христіанская церковь безусловно не одобряла и не одобряетъ дуэлей, въ какихъ бы формахъ онѣ ни проявлялись, разъ здѣсь ставится «на карту» человѣческая жизнь. Съ неодобрениемъ относилась и относится къ данному явленію также и католическая церковь (особенно характерны запрещенія дуэлей, изданныя Тридентскимъ соборомъ, папою Бенедиктомъ XIV (въ 1752 г.) и нынѣшнимъ папою—Львомъ XIII (въ 1891 г. отъ ^{31 авг.}_{12 сент.})). Что касается церкви «евангелической», то здѣсь, къ удивленію, не находимъ «послѣдовательно» проведенного рѣшенія данного вопроса. Изъ «новѣйшихъ этиковъ» всѣ отрицательно относятся къ вопросу о дозволительности дуэлей вообще. Впрочемъ, «нѣкоторые (напр., Гарлессъ и Дорнеръ)» въ тѣхъ

¹⁾ Съ «исторіею» дуэли отчасти можетъ познакомить книжка М. Махова: «Дуэль, ея происхождение и современный характеръ» (Спб. 1896 г.). Но въ книжкѣ можетъ имѣть цѣну только одна фактическая ея сторона; разсужденія же автора по тѣмъ или инымъ сторонамъ вопроса о дуэли никогда крайне ошибочны и вообще необоснованы.

или иныхъ случаихъ находять возможнымъ высказываться въ отношеніи къ дуэлистамъ съ оттѣнкомъ «мягкости» (Kübel, S. 204—205; II Th.; 1896.—Dorner; S. 418 и т. д.).

Сдѣлаемъ оцѣнку дуэли.—Дуэлистъ прямо рискуетъ своею жизнью, подставляя свой лобъ подъ ружье или револьверъ... противника. Дуэлистъ — самоубийца въ существѣ дѣла. О томъ, что въ данномъ случаѣ можетъ привзойти и сплошь и рядомъ привходить еще и убийство, уже не говоримъ (эта сторона дѣла въ настоящемъ случаѣ нами оставляется въ тѣни). Дорнеръ (S. 417) совершенно справедливо называетъ дуэль «возвращеніемъ» людей нашего вѣка къ ихъ первобытному — «естественному состоянію», состоянію дикости, животности. Мартенсенъ (т. II; стр. 364; въ перев. А. П. Лопухина; 1890 г.) именуетъ ее просто «средневѣковымъ безчиніемъ» и проч. Но разсмотримъ подробности дѣла. Изъ двухъ дуэлистовъ одинъ — оскорбленный, другой — оскорбитель. Тѣхъ случаевъ, когда въ дѣйствительности не бываетъ ни оскорбленааго, ни оскорбителя, не имѣемъ въ виду, хотя такие случаи бываютъ и даже, быть можетъ, не рѣдко: поводомъ къ дуэли иногда бываетъ какое либо неосторожное и ничего особаго не обозначающее слово, какой либо (иногда преднамѣренно) должно понятый намекъ и проч.; иной даже ищетъ случая къ дуэли, чтобы показать себя въ глазахъ извѣстныхъ лицъ храбрецомъ или по какимъ-либо другимъ причинамъ. Повторяемъ: такихъ случаевъ не будемъ имѣть въ виду, потому что дикость, все безобразіе этого рода дуэлей въ сущности ясны и для самихъ дуэлистовъ, сознающихъ всю ненормальность дѣла и являющихся жертвами (вольными или невольными) дикихъ и варварскихъ условностей, какими обставлена жизнь ихъ и ихъ среды... И такъ, какъ сказано, одинъ дуэлистъ — оскорбитель, а другой — оскорбленный. Оба поставлены на одну линію: смерть,увѣчье и проч. могутъ однаково угрожать и правому, и виновному, и обезчещенному, и обезчестившему. Развѣ это скольконибудь и съ какой-нибудь точки зрењія — нормально? Оскорбитель причинилъ вредъ другому, иногда очень существенный,—и онъ же еще желаетъ лишить послѣдняго одного изъ великихъ его благъ: жизни! Оскорбленный, потерпѣвшій вредъ,—для того, чтобы смыть оскорблѣніе, ему нанесенное, — ставить «на карту» свою жизнь: къ одной, ничтожной сравнительно, потерѣ присоединяетъ другую, крупнѣйшую! Вѣдь живымъ или невредимымъ остается изъ дуэ-

листовъ не тотъ, кто невиненъ, точнѣе: не оскорбленая, по пострадавшая сторона, а тотъ, кто или болѣе силенъ, или болѣе ловокъ и проворенъ, или въ пользу котораго окажутся какія либо иныя случайности. Ужели все это дѣлаетъ дуэль имѣющимъ смыслъ явленіемъ? Вполнѣ безнравственно убийство изъ за угла, на какое иногда рѣшается оскорблennyй, желающій отомстить оскорбителю; но и оно сравнительно (если бы только было позволительно здѣсь дѣлать сравненія) выше дуэли, по крайней мѣрѣ, имѣть больше смысла (страдаетъ обидчикъ, а не обиженный). Думать же, что Самъ Богъ вступится за обиженнную сторону, когда и обидчикъ, и пострадавшій выйдутъ на дуэль, — ожидать, что погибнетъ именно обидѣвшій, во всѣхъ отношеніяхъ нелѣпо. Вѣрить, что Богъ съ благорасположеніемъ относится къ смертоубийству — копечному результату многихъ дуэлей, и что Онъ помогаетъ одному человѣку (хотя бы и пострадавшему отъ ближняго) наказывать другого (хотя бы и обидчика), — недостойно христіанина, который въ этомъ случаѣ оказывается не имѣющимъ правильныхъ представлений ни о Богѣ, ни о сущности Его отношений къ человѣку. Не Слово ли Божіе говоритъ намъ: *не мстите за себя..., но дайте мѣсто гневу Божию.* Ибо написано: *Ми^нь отмщеніе, Я воздамъ, говоритъ Господь* (Римл. XII, 19)? Вы слышали, говоритъ Господь, что сказано: *око за око, и зубъ за зубъ. А Я говорю вамъ: не противься злому. Но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую* (Мате. V, 38—39; чит. и слѣд. стихи)¹⁾. Яснѣйшія слова Писанія не нуждаются въ какихъ либо комментаріяхъ. Изъ нихъ какъ нельзя болѣе необходимо вытекаетъ положеніе, что дуэль съ богооткровенной точки зрѣнія не можетъ быть оправдана никакъ. Всѣ библейскія данныя говорятъ всецѣло противъ нея... Но продолжимъ прерванное обсужденіе смысла дуэли съ общежитейской точки зрѣнія. Говорить: предъ судьею занимаютъ равное положеніе какъ обвинитель, такъ и обвиняемый, какъ правый, такъ и виновный. Вѣрно. Но не слѣдуетъ забывать, что это равенство по разборѣ дѣла исчезаетъ: справедливость торжествуетъ или, по крайней мѣрѣ, должна торжествовать всегда.

¹⁾... *Не себе отмшаюте..., но дадите мѣсто гневу:* писано бо есты: *ми^нь отмщеніе, азъ воздамъ, глаголетъ Господь.—Слышиште, яко речено бысть: око за око и зубъ за зубъ. Азъ же глаголю вамъ не противистися злу: но аще тя кто ударить въ десную твою щеку, обрати ему и другую...*

Здесь, следовательно, имѣть мѣсто совсѣмъ другое дѣло. И такъ, дуэль, какъ нѣчто случайное въ отношеніи къ ея исходу, не можетъ быть допускаема въ смыслѣ средства для рѣшенія какихъ либо вопросовъ въ рукахъ разумныхъ людей. Дуэлю не можетъ быть смыто оскорбленіе, не можетъ быть возстановлена поправная честь и проч. Для возстановленія равновѣсія житейскихъ отношеній, для возстановленія чести и проч. слѣдуетъ обратиться къ какимъ либо другимъ, болѣе разумнымъ, орудіямъ, дѣйствительно дающимъ возможность достигнуть цѣли, а не удаляющимъ отъ нея. Среди нѣкоторыхъ сословій въ нѣкоторыхъ странахъ разбираются подобныя дѣла, вызывающія собою дуэли, такъ называемыми «судами чести», и разсматриваются совершенно объективно. Это—уже совсѣмъ иная картина, въ пользу которой можно было бы сказать очень многое. Здесь цѣль можетъ быть достигнута; всякая ненормальность можетъ быть устранина и предотвращена...— Но допустимъ, что на дуэли будетъ страдать только виновный (хотя дѣйствительность, какъ сказано, говорить о дѣлѣ не то). Что же слѣдуетъ изъ этого? Здесь зло будетъ наказываться зломъ. Оскорбленный, дотолѣ невинный, человѣкъ запятнаетъ свои руки въ крови ближняго, и, если нравственное чувство пролившаго кровь не извращено, то оно будетъ терзать его своими заявленіями непрестанно. Честь не возстанавливается вѣшними, притомъ, столь грубыми средствами. При этомъ, не говоримъ уже, что истинной чести человѣка не можетъ лишить никто (кромѣ самого же его): она—достояніе его внутренняго я, недоступнаго для вѣшнихъ, для стороннихъ посягательствъ. Если же человѣкъ, ведя себя нравственно-дурно, чрезъ это потерялъ свою честь, то опять ничто вѣшнее, на манеръ дуэлей, не можетъ возстановить ее. На случай же разбирательства дѣлъ обѣ оскорбленіяхъ и и прочемъ, вызывающемъ собою дуэли, у насъ существуютъ различныя судебныя учрежденія, дѣйствующія по извѣстнымъ законамъ. Сюда и въ подобныя тѣмъ мѣста и надлежало бы въ разсматриваемыхъ случаяхъ обращаться. Если же по чему либо здѣсь—на землѣ—правда все-таки не восторжествуетъ, то она восторжествуетъ за гробомъ. Такъ долженъ думать вѣрующій христіанинъ и, при всѣхъ обстоятельствахъ, оставаться спокойнымъ.

И такъ, самоубійство во всѣхъ его видахъ и дуэль, какъ явленія нравственно-дурныя, не должны имѣть мѣста въ хри-

стіанскомъ обществѣ. Истинно-любящій себя христіанинъ дожить своимъ тѣломъ, его благосостояніемъ. Основаніе такого отношенія его къ тѣлу лежитъ въ значеніи послѣдняго, указываемомъ Словомъ Божімъ, какъ храма Святаго Духа (1 Кор. VI, 19). Тѣло—жилище и нашего духа. Оно—неизбѣжный органъ, чрезъ посредство котораго послѣдній только и проявляеть себя во-внѣ: чѣмъ нормальнѣе поставленъ органъ, тѣмъ удобнѣе чрезъ него дѣйствуетъ и пользующійся имъ. Много смысла—въ древней пословицѣ: «*mens sana in corpore sano*» (т. е., «въ здоровомъ тѣлѣ—здоровый умъ»). Неразумное *изнуреніе тѣла* (искалѣченіе его, доведеніе его до болѣзненнаго состоянія...), равно какъ и *никоторое небреженіе о насыщении плоти* (Колосс. II, 23), какъ моменты, въ извѣстномъ смыслѣ аналогичные съ самоубийствомъ человѣка, осуждаются и Словомъ Божіимъ¹). Св. ап. Павель соvѣтуетъ одному изъ своихъ учениковъ: *впередь пей не одну воду, но употребляй немногого вина, ради желудка твоего и частыхъ твоихъ недуговъ* (1 Тимоѳ. V, 23)²). Само собою понятно, что въ заботахъ о тѣлѣ должно соблюдать приличную дѣлу *умѣренность* и избѣгать *пресыщенія*, изъ которыхъ первая одобряется, а второе порицается еще авторомъ Ен. Іисуса, сына Сирахова (XXXI, 22. 23). Онъ же соvѣтуетъ относиться съ почтеніемъ и къ тѣлесному *врачу*, такъ какъ *Господь создалъ его* (XXXVIII, 1)³). Ясно, слѣдовательно, что, постигаемый болѣзнями, человѣкъ нравственно обязанъ заботиться объ ихъ устраниніи. Правила, предписываемыя разумною гигіеною и имѣющія въ виду укрѣпленіе здоровья, не могутъ быть оставляемы въ пренебреженіи. Во всѣ времена наблюдалось и наблюдается явленіе, въ общемъ имѣющее какъ разъ этотъ именно смыслъ. Нѣкоторыя исключенія въ расчетъ не берутся. Къ сожалѣнію, извѣстная часть общества всегда впадаетъ въ нежелательную крайность. Смотря на тѣлесное здоровье, какъ на конечную цѣль, какъ на самоцѣль, а не какъ на средство только, ведущее къ высшей цѣли, нѣкоторые (богатые, потому что при бѣдности подобная точка зрѣнія немыслима) все время свое и всѣ старанія свои посвя-

¹⁾... яже суть слово убо имуща премудрости въ самоволниiй службѣ и смиренномуздriи и непощаднiiи тѣла, не въ чести коеi, къ систоти плоти.

²⁾ Ктому же пий воды, но мало вина приемли стомаха ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ.

³⁾ Почитай врача..., ибо Господь созда его..

щаютъ только заботамъ о своемъ тѣлѣ: перебѣжаютъ изъ одного курорта въ другой, съ однѣхъ «водъ» на другія и т. д., дѣлаясь добычею подстерегающихъ ихъ иногда шарлатановъ извѣстнаго сорта... И въ этомъ проходитъ вся жизнь! Люди ли это? Нѣтъ. Они даже ниже животныхъ, такъ какъ и эти въ борьбѣ за существованіе по своему трудятся. Уже языческій философъ Платонъ въ своей «Республикѣ» оставляетъ такого сорта лицъ безъ врачебной помощи, какъ недостойныхъ послѣдней. Съ христіанской точки зрѣнія существованіе подобныхъ людей, конечно, тѣмъ болѣе непопрятно и поведеніе ихъ всецѣло предосудительно.

Заботясь надлежащимъ образомъ о своемъ тѣлесномъ здоровье, христіанинъ заботится, въ частности, конечно, и о своей «чистотѣ», о своей «красотѣ», такъ какъ та и другая — не безцѣнныи моненты въ его тѣлесномъ благосостояніи.— Заботы о тѣлесной чистотѣ должны главнѣйшимъ образомъ сосредоточиваться на цѣломудріи. Пренебреженіе послѣднимъ — преступленіе противъ Самого Св. Духа, обитающаго въ нашемъ тѣлѣ (1 Кор. VI, 19); *тѣла наши — члены Христовы; чрезъ нарушеніе цѣломудрія они дѣлаются, между тѣмъ, членами блудницы* (—15. 16)¹⁾. *Прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, непотребство... — дѣла плоти* (Гал. V, 19)²⁾. Слово Божіе многократно взываетъ къ христіанамъ, увѣщевая ихъ *умертвить* ихъ земные члены, т. е., *блудъ, нечистоту, страсть, злую похоть* (Кол. III, 5)³⁾ (Сравн. *ibid.* 8. Ефес. IV, 22...). Всѣ такого рода явленія, по слову св. апостола, *не должны* даже и *именоваться* среди христіанъ (Ефес. V, 3)⁴⁾ и т. д. (Сравн. 1 Тимо. IV, 12; V, 2. Дѣян. XXIV, 25 и т. д.). *Купленные дорогою цѣною христіане должны прославлять Бога*, между прочимъ, и *въ своихъ тѣлахъ* (1 Кор. VI, 20)⁵⁾. Примѣру язычниковъ, всячески оскверняющихъ свои тѣла (Римл. I, 24 и слѣд.), они, конечно, не могутъ и не станутъ слѣдоватъ.—Говоря о тѣлесной чистотѣ, мы, разумѣется, не затрагиваемъ вопроса о бракѣ, какъ явленіи бо-

¹⁾... *тѣлеса ваши угоде Христовы суть. Взяли ли убо уды Христовы, смотрю уды блудницы?.. приимѣнился сквернодѣйцъ, едино тѣло есть съ блуддѣйцемъ...*

²⁾... *дѣла плотская... суть: прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, стадо блудъ... .*

³⁾ *Умертвите убо уды ваши, яже на земли, блудъ, нечистоту, страсть, похоть злую...*

⁴⁾ *Блудъ же и всяка нечистота... никакѣ да именуются въ васъ...*

⁵⁾ *Куплены бо есте цѣною: прославите убо Бога въ тѣлесахъ вашихъ..*

гоустановленномъ, вполнѣ нравственномъ (Мате. XIII, 4 и слѣд. I Тимоѳ. IV, 3 и проч.). Что одна тѣлесная чистота (безъ духовной, внутренней) всецѣлаго значенія не имѣть (Мате. XV, 8; сравп. V, 8 и т. д.), это само собою ясно; но данного вопроса мы здѣсь, конечно, не имѣемъ въ виду касаться.—Подъ условiemъ заботъ человѣка объ его тѣлесномъ благополучіи, тѣлесной чистотѣ..., сама собою выступаетъ на—лицо и его тѣлесная красота. Наиболѣе вредять послѣдней, понимаемой, конечно, въ лучшемъ смыслѣ слова, всякаго рода страсти: ихъ отпечатокъ безусловно обезображиваетъ собою наружность всякаго человѣка. При ихъ отсутствіи, взоръ человѣка большою частію ясенъ, его манеры—приличны, вся его внѣшность внушаетъ къ себѣ уваженіе. При ихъ наличности, даже и съ наиболѣе красивыми чертами лица и съ наиболѣе красивыми формами тѣла человѣкъ производить на нравственно-неиспорченного зрителя отталкивающее или, во всякомъ случаѣ, непріятное впечатлѣніе. Согласныя съ требованіями правильно развитаго эстетического вкуса попеченія человѣка о своей одеждѣ, вообще о своей внѣшности, о своихъ жилищахъ и пр., безспорно, не предосудительны,—но они — таковы лишь при указанномъ условіи. Иначе они — нравственно дурны. Такими имѣнно особенностями характеризуется, напр., современное (впрочемъ, отчасти и всегдашнее) явленіе: погоня за подражаніемъ модѣ. До какихъ колоссальныхъ размѣровъ доходитъ она въ извѣстной части общества (при томъ, не только дамскаго, но и мужскаго его элемента), это извѣстно всѣмъ. Издаются специальные модные журналы, ведутся оживленные споры по поводу какой либо ленточки, какой-либо пуговки въ той или иной части туалета; люди, дерзающіе на попытку къ уклоненію отъ требованій моды, считаются нерѣдко чудаками, а то и чѣмъ либо похуже того... У многихъ все время проходитъ въ служеніи культу модъ всякаго рода. Заняться какими либо серьезными вопросами нѣть времени (и охоты); отозваться на призывъ къ оказанію помощи ближнему—некогда (!?): присланы послѣднія парижскія новости, еще не разсмотрѣнныя; и вотъ начинается головокружительная бѣготня по магазинамъ и т. д. Впрочемъ, довольно! Такія не-нормальности и уродливости неумѣстны не только въ христіанскомъ, а и вообще въ человѣческомъ обществѣ. Это — не любовь къ себѣ, какъ къ человѣку, а проявленіе ненависти. Въ виду такого рода явленій св. апостоль даетъ слѣдующій со-

вѣтъ женщинамъ: да будетъ украшеніемъ вашимъ не виншнене плетеніе волосъ, не золотые уборы, или нарядность въ одѣждѣ, но сокровенный сердца человѣкъ въ нептннной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа... (1 Петр. III, 3—4)...¹⁾ Если женщинамъ рекомендуется именно это и подобное ему, то въ тѣмъ большей степени, конечно, оно приложимо къ мужчинамъ, что уже ясно само собою.

Далѣе, необходимымъ моментомъ въ дѣлѣ попеченія человѣка о своемъ тѣлесномъ благосостояніи является также и трудъ. Что разумный трудъ — полезенъ для здоровья самого же трудящагося человѣка, это — безспорная и всѣмъ извѣстная истина. Болѣе подробныя по этому вопросу данные могутъ быть отысканы всяkimъ желающимъ въ наукѣ — Гигиенѣ. Мы же, конечно, не имѣемъ надобности вести съ тѣми данными дѣла. Затѣмъ, что трудъ — необходимое условіе матеріального благосостоянія человѣка, это — также несомнѣнная истина, не нуждающаяся въ раскрытии и обоснованіи ея. Отсюда и объ этомъ обстоятельствѣ говорить мы не намѣрены. Наше намѣреніе — освѣтить «трудъ» съ нѣсколькою иной стороны.

Въ языческой древности на значеніе труда и на его смыслъ смотрѣли обыкновенно иначе, чѣмъ мы. Народъ обыкновенно подраздѣлялся на свободныхъ гражданъ и рабовъ. Трудъ, попимаемый въ обыденномъ смыслѣ слова, былъ удѣломъ только послѣднихъ. Первые же только пользовались услугами этихъ. По мнѣнію свободнаго гражданина, трудъ могъ бы только унизить его — гражданина — достоинство. Рабы, въ сознаніи свободныхъ, были лишь только орудіемъ, которымъ, какъ и другими орудіями (животными, неодушевленными предметами и вещами)..., эти пользовались исключительно по одному своему усмотрѣнію, ни мало не справляясь съ желаніями или нежеланіями самого орудія. Душа рабовъ, — по мнѣнію, являющемуся довольно обыкновеннымъ въ языческой древности, — низшаго порядка по сравненію съ душою свободныхъ: о добродѣтели первыхъ, поэтому, не всѣ язычники находятъ возможнымъ и говорить, такъ какъ, моль, душа ихъ, т. е., рабовъ, не можетъ подняться до подобной высоты. Даже Платонъ и Аристотель — эти корифеи языческаго міра —

¹⁾... иможе онъ будетъ, не виншннія плетенія власъ, и обложенія злата, или одніяня ризъ линота, но поставленный сердца человѣкъ, съ неистпннїи кроткаго и молчаливаго духа...

не могли уйти отъ другихъ язычниковъ впередъ: первый отказывалъ рабамъ въ разумѣ (тождественномъ съ разумомъ свободныхъ), рекомендовалъ ихъ господамъ энергично наказывать ихъ, ставилъ ихъ почти на одну линію съ животными (домашними)...; по мнѣнію второго, рабство и рабскій трудъ — узаконеніе будто бы самой природы. Отдельныя личности языческаго міра (напр., Цинциннатъ и др.), правда, не гнушились нѣкоторыми видами труда (напр., землемѣдѣліемъ и проч.), но то были только рѣдкія исключенія. Притомъ, на такъ называемыя ремесла, можно сказать, почти всѣ смотрѣли — какъ на нѣчто несомнѣстимое съ достоинствомъ истинно-человѣческимъ (извѣстно по этому вопросу мнѣніе Цицерона). Что же выходило? Свободный гражданинъ не трудился надъ добываніемъ себѣ средствъ къ существованію, предоставляя это рабамъ; а рабы, трудясь по неволѣ, какъ говорится, «изъ подъ палки», дѣлали, конечно, возможный въ томъ или другомъ случаѣ *minimum* того, что могли бы сдѣлать при добромъ своемъ расположениіи къ труду... Отсюда личное благосостояніе свободныхъ гражданъ несомнѣнно должно было такъ или иначе страдать и, конечно, страдало. Это именно обстоятельство въ настоящемъ случаѣ мы и имѣли намѣреніе отмѣтить, такъ какъ наша рѣчь здѣсь касается отношеній человѣка къ самому себѣ, въ частности, заботъ его касательно вѣнчанаго своего благоденствія...

Христіанство учить о равенствѣ между собою всѣхъ людей, о тождествѣ ихъ физическихъ и духовныхъ силъ и способностей (въ общемъ). Оно отрицательно смотрѣть на дѣленіе человѣчества на два лагеря: свободныхъ и рабовъ (въ языческомъ смыслѣ)¹⁾; оно призываетъ къ труду всѣхъ, говоря: *если кто не хочетъ трудиться, тотъ и не пиши* (2 Солун. III, 10)²⁾; *трудись, дѣлая своими руками полезное, чтобы было изъ чеого удѣлять нуждающемуся* (Ефес. IV, 28)³⁾... Здѣсь вполнѣ ясно высказанъ христіанскій взглядъ на трудъ: всякий имѣеть право лишь на то, что самъ заслужилъ своимъ трудомъ; затѣмъ, трудящійся можетъ оказывать помощь и ближнему. Христіанство представляеть и прекрас-

¹⁾ См., напр., Галат. III, 28 и т. д.

²⁾... аще кто не хочетъ дѣлать, ниже да есть.

³⁾... *крадиый... наче да тружештесь, дѣлая своими руками благое, да имать подаянии требующему...*

ные примѣры трудающихся людей. Припомните св. ап. Павла, занимавшагося приготовленіемъ палатокъ (сравн. 1 Корѣ. IV, 12 и друг.); припомните св. Іосифа, *мужа* Богоматери (Мате. I, 19), который, какъ извѣстно, занимался плотничимъ ремесломъ и т. под.

Но, какъ ни полезенъ трудъ для тѣлеснаго и вообще впѣшняго благосостоянія человѣка, служа выраженіемъ любви послѣдняго къ самому себѣ, — онъ естественно не можетъ продолжаться безъ перерыва: физическая и вообще человѣческія силы требуютъ отдыха. Наиболѣе могучимъ выразителемъ потребности послѣдняго служить ежедневно заявляющая о себѣ потребность сна. *Сонъ* — явленіе необходимое и неизбѣжное. По менѣшей мѣрѣ около трети человѣческой жизни поглощается сномъ. Но за то, благодаря ему, возста новляется запасъ нашихъ силъ, нашей энергіи, дающей намъ возможность наверстать теряемое на сонъ время. При этомъ естественно спрашивается: какой сонъ можетъ быть названъ нравственно-упорядоченнымъ явленіемъ? Какъ извѣстно, поступокъ, отмѣченный элементами нашей нравственной свободы, сознательности.., носить нравственный характеръ. При иныхъ условіяхъ говорить о нравственномъ, какъ такомъ, нельзя. Въ приложеніи къ сну это значитъ, что онъ долженъ быть упорядоченъ разумными движеніями нашей нравственной свободы, долженъ стоять въ зависимости отъ нашихъ сознательныхъ рѣшеній... Каждый разъ сну должно быть посвящаемо лишь столько времени, сколько необходимо, сколько требуется законами нашей природы, — не болѣе того. Иначе онъ будетъ отмѣченъ уже чертами въ извѣстной степени нравственно-дурного явленія... Уже Премудрый предвѣщаетъ бѣдность спящимъ болѣе, нежели сколько необходимо (Притч. VI, 6 — 11. XX, 13.—XXIV, 33). Но и другая крайность также не одобряется Словомъ Божіимъ (Колос. II, 23). Конечно, въ единичныхъ случаяхъ иногда бываетъ необходимо спать или слишкомъ мало, или даже проводить ночи совсѣмъ безъ сна, какъ то и случалось, напр., съ Господомъ въ ночь Его страданій, съ Его св. апостолами при различныхъ обстоятельствахъ ихъ жизни (Лук. V, 5 — 2. Солун. III, 8; сравн. 2 Корѣ. XI, 27 и друг.) и проч. Отсюда для человѣка иногда бываетъ необходимо вмѣсто проведенной въ бодрствованіи ночи посвящать ему часть дня, какъ то дѣлалъ, напр., даже Самъ Господь нашъ во время плаванія по Геннисаретскому озеру

(Мато. VIII, 24) ¹⁾..; но все это — случаи единичные, на основаніі которыхъ дѣлать какія либо обобщенія, конечно, нельзя... — Для того же, чтобы сонъ отвѣчалъ своему назначению, необходимо также настраивать свой духъ такимъ образомъ, чтобы онъ, т. е. духъ, не тревожилъ спящаго тѣла беспокойными и беспорядочными своими движеніями...

Какъ быть съ осталыю частью сутокъ? Въ осталное (т. е., кромѣ извѣстныхъ часовъ ночи) время надлежить трудиться. Но здѣсь опять настоитъ вопросъ: все ли это время цѣликомъ должно быть посвящаемо труду, или слѣдуетъ дѣлать такие или иные перерывы послѣдняго? Въ решеніи даннаго вопроса пѣтъ согласія между моралистами: тогда какъ одни изъ этихъ стоять за необходимость перерывовъ труда, другіе высказываются въ совершенно противоположномъ смыслѣ. Философъ Фихте разсуждаетъ, что самымъ лучшимъ отдыхомъ (и, конечно, наслажденіемъ) для человѣка можетъ служить разнообразіе его непрерывнаго труда, смѣна одного вида послѣдняго другимъ,— что о другомъ отдыхѣ мечтать человѣку непозволительно. Другіе, поднимая вопросъ о наслажденіи, рѣшаютъ его въ томъ смыслѣ, что трудъ, коль скоро онъ— явленіе нравственно-хорошее, eo ipso уже и заключаетъ въ себѣ элементъ наслажденія,— что о какомъ либо другомъ наслажденіи говорить опять таки нѣть резоновъ. Но справедливо возражаютъ (напр., Дорнеръ) всѣмъ такого рода мыслителямъ что, работая «безъ паузы, человѣчество превратилось бы въ работающую машину, потеряло бы ясность самосознанія и свободу».., и самая «работа потеряла бы нравственное содержаніе» ²⁾). Необходимо, чтобы человѣкъ по окончаніи извѣстной работы или той или иной ея части могъ спокойно оглянуться назадъ, ориентироваться въ сдѣланномъ имъ, переварить это послѣднее, собраться съ духомъ, такъ какъ только при этихъ условіяхъ возможны—энергичное продолженіе работы или какая-либо новая работа и проч. Въ промежутки между трудомъ отдыхая и наслаждаясь отыхомъ, человѣкъ свободно обдумываетъ планъ своей будущей жизнедѣятельности, послѣ чего является сознательнымъ ея творцомъ и виновникомъ... Конечно, другой вопросъ—тотъ: въ чёмъ надлежитъ проводить часы отдыха, какъ наслаждаться? Естественно, что сво-

¹⁾ Сравн., Мартенс., т. II; стр. 320 (въ перев. А. П. Иопухина).

²⁾ Dorner; S. 421.

бодно-разумное существо проводить время отдоха въ согласныхъ съ требованіями его нравственного чувства наслажденіяхъ. Дозволяя себѣ послѣднія, оно, такъ сказать, не «расстворяется» въ нихъ; его «личность не поглащается естественною жизнью», естественными потребностями «пищи, питья» и проч. (Дорнеръ) ¹⁾. При иныхъ условіяхъ отдыхъ и соединенное съ нимъ наслажденіе теряютъ уже свой нравственный смыслъ и значеніе.—Въ христіанскомъ мірѣ всегда были и теперь, конечно, встрѣчаются лица строго-аскетического направленія, допускающія только одинъ видъ наслажденій, носящій строго-религіозный отпечатокъ, и всецѣло отвергающія всякие другіе виды. Но этихъ лицъ въ обязательный примѣръ братъ нельзя: они — исключительное явленіе, они желаютъ по мѣрѣ всѣхъ своихъ силъ всецѣло отрѣшиться отъ земного и тлѣннаго... Явленіе, конечно, болѣе, чѣмъ просто похвальное; но всеобщимъ оно сдѣлаться не можетъ: далеко не всѣ (съ плотью и кровью) люди въ силахъ слѣдовать за ними. Это — ясно. Для нась — христіанъ — безусловнымъ примѣромъ могутъ и должны служить дѣянія Господни. Находясь въ Канѣ Галилейской, Господь отыхалъ «на бракѣ». Гости по случаю торжества, конечно, наслаждались. У нихъ оказался недостатокъ вина. Господь по просьбѣ Своей Матери претворяетъ воду въ вино (Иоан. II, 1 и слѣд.). Очевидно, что Господь ничего не имѣлъ противъ разумнаго и умѣреннаго, а также благовременнаго наслажденія. Въ Виѳании въ домѣ Симона прокаженнаго одна женщина возлила на голову Спасителя драгоценное мѣро. Когда некоторые вознегодовали по этому поводу, именно по поводу напрасной траты мѣра, которое, — предполагалось, — могло бы быть продано и деньги могли бы быть розданы нищимъ, то Господь сказалъ, что женщина сдѣлала доброе дѣло, такъ какъ нищіе всегда — на лицо предъ ними, а Онъ не всегда... (Марк. XIV, 3 и слѣд.). Наслажденіе тѣми или иными вещами, слѣдовательно, — по учению Господню, — не только не преступно, по наоборотъ: всецѣло дозволительно, разъ оно практикуется благовременно, въ должной мѣрѣ и проч. и проч. *Всякое твореніе хорошо, и ничто не предосудительно, если принимается съ благодареніемъ* (1 Тимо. IV, 4) ²⁾. Въ этомъ послѣднемъ обстоя-

¹⁾ Ibid. S. 422.

²⁾ *Всякое созданіе Божіе добро, и ничто же отменитъ, со благодареніемъ приемлемо.* — Ср. Быт. I, 31.

тельствѣ и кроется «суть» дѣла (сравн. отчасти 1 Кор. VII, 31). Разумно наслаждаясь, мы вникаемъ въ сущность Божіихъ даровъ, наглядно постигаемъ, въ какой степени Господь благъ къ намъ (сравн. Псал. XXXIII, 9). Отсюда сознательнѣе и глубже начинаемъ любить Его и т. д. — Словомъ, отдыхъ и наслажденіе, съ нимъ связанное, явленія вполнѣ нормальныя: отдыхаетъ и извѣстнымъ образомъ наслаждается неразумный міръ, все въ видимой природѣ, способное къ этому; отдыхаетъ и наслаждается также и разумная тварь — человѣкъ; только, въ отличие отъ неразумной твари, онъ своимъ разумомъ, своею нравственною свободою старается придать рассматриваемымъ явленіямъ строго-нравственный смыслъ.

Трудясь, человѣкъ пріобрѣтаетъ себѣ извѣстную *матеріальную собственность*, пооченіе о которой является моментомъ, весьма важнымъ въ дѣлѣ заботъ нашихъ о своей тѣлесной жизни. Право на владѣніе материальною собственностью несомнѣнно принадлежитъ человѣку. Человѣкъ сотворенъ по образу Божію (Быт. I, 27). Нося въ себѣ послѣдній, онъ eo ipso имѣть и извѣстное право на богоподобное владѣніе внѣшнимъ міромъ. Это право человѣка было подтверждено и Самимъ Богомъ, повелѣвшимъ ему *обладать землею и владычествовать надъ тѣмъ*, что на ней находится (—28) (сравн. IX, 1...). Самъ же Богъ повелѣлъ Адаму, а въ его лицѣ и всему человѣчеству, *егъ потилица добывать себѣ хлѣбъ...* (III, 19). Другими словами: повелѣвъ ему трудиться, Онъ разрешилъ ему пріобрѣтать собственность для поддержанія жизни его личной и — его семьи. Вся исторія отношений Бога къ ветхозавѣтному еврейскому народу, рассказанная въ библейскихъ книгахъ, свидѣтельствуетъ о правѣ человѣка на владѣніе собственностью многократно и многоразлично... Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ единственнымъ достояніемъ человѣка было его тѣло, тогда область, въ предѣлахъ которой онъ могъ бы проявлять свое нравственное я, значительно съузилась бы по необходимости: онъ не имѣль бы возможности оказывать извѣстную материальную помощь окружающей его средѣ. Это обстоятельство, между прочимъ, отмѣчается и Словомъ Божіимъ: *трудись, говорить св. ап. Павель, чтобъ было изъ него удѣлять нуждающемся* (Ефес. IV, 28¹⁾). При отсутствіи у человѣка личной материальной

¹⁾ Слав. текстъ мѣста см. выше.

собственности, данный родъ отношеній человѣка къ его ближнимъ пришлось бы зачеркнуть. Затѣмъ, для того, чтобы ему стать болѣе или менѣе солидною нравственною единицею, необходима извѣстная самостоятельность его въ отношеніи къ окружающимъ его людямъ. Не имѣя же материальной собственности, человѣкъ *volens-nolens* долженъ постоянно чувствовать свою зависимость отъ другихъ. Какова бы эта зависимость ни была, она, во всякомъ случаѣ, будетъ тормозомъ на пути человѣка къ его нравственнымъ идеаламъ. *Мы*, говоритъ св. ап. Павелъ, *ни у кою не тли хлѣба даромъ, но занимались трудомъ и работою ночь и день, чтобы не обременить кою изъ васъ* (2 Сол. III, 8) ¹). Опасаясь обременить кого либо изъ солунянъ, св. апостоль несомнѣнно имѣлъ въ виду предъ собою и то обстоятельство, которое нами только что отмѣчено... (ср. еще ст. 10. 12)... Словомъ, что человѣкъ имѣеть право на владѣніе собственностью и даже въ нѣкоторомъ смыслѣ обязанъ къ этому, то—фактъ, стоящій виѣ сомнѣній. Но, владѣя собственностью, онъ, однако, долженъ держать себя крайне осмотрительно. Если бѣдность — явленіе не желательное, то не въ меньшей, если не въ большей, степени не желательно и излишнее богатство для лицъ, не способныхъ къ надлежащему пользованію имъ: вмѣсто выгоды оно можетъ принести одинъ вредъ нравственному миру послѣднихъ. Понятно, почему Премудрый, между прочимъ, молитъ Бога о томъ, чтобы Господь не давалъ ему ни нищеты, ни богатства, а чтобы только *питалъ* его *насущнымъ хлѣбомъ* (Притч. XXX, 8...). Во всякомъ случаѣ, какимъ бы достаткомъ ни обладалъ кто, онъ долженъ держать себя виѣ вліянія на него со стороны этого достатка. *Когда богатство умножается, не прилагайте къ нему сердца* (Исаил. LXI, 11 ²). Разъ сердце прильпаетъ къ богатству, послѣднее постепенно беретъ власть надъ человѣкомъ и распоряжается имъ по своему. Богатство, существующее быть лишь простымъ орудіемъ въ рукахъ человѣка, помогающимъ и личному усовершенствованію его, его духовной стороны, и его ближнимъ въ дѣлѣ ихъ нравственного поступанія,—превращается уже въ какую то самоцѣль. А разъ на него смотрятъ, какъ на таковое, оно уже становится для данныхъ людей своего рода «высочай-

¹ ... *ниже тунис хлѣбъ ядохомъ у кою, но въ трудъ и подвигъ, ночь и день тяготите, да не отягчимъ никою отъ васъ.*

²) ...*богатство, аще течетъ, не прилагайте сердца.*

шимъ благомъ» — *summum bonum*, по сравненію съ которымъ все остальное является или малоцѣннымъ, или совсѣмъ безцѣннымъ. При такомъ положеніи дѣла вполнѣ обычными явленіями становятся: любостяженіе во всѣхъ его видахъ, въ существѣ своеемъ тождественное съ идолослуженіемъ, по слову св. ап. Павла (Колос. III, 5), — сребролюбіе, ведущее къ уклоненію отъ вѣры и ко многимъ скорбямъ (1 Тим., VI, 10) — этотъ *корень всѣхъ золъ* (*ibid*), — лихоимство, изгнанное изъ царства небеснаго (1 Кор. VI, 10), — предпочтеніе маммоны Богу, такъ какъ одновременное служеніе имъ немыслимо (Мат. VI, 24) и т. д. Пріобрѣтая богатство, люди съ подобного рода настроеніемъ и направленіемъ относятся къ нему двояко: или не хотятъ разставаться съ нимъ, какъ желанийшими ихъ благамъ, становятся скучными... (ср. Мат. VI, 19 и друг.), или впадаютъ въ противоположную крайность, расточая свое имущество, подобно тому, какъ дѣлалъ это евангельскій блудный сынъ (Лук. XV, 13), и не думая о нормальному употребленіи его... А разъ богатство — *summum bonum*, eo ipso понятны — надежды и упованіе богачей на него — какъ на нѣчто несокрушимое: *душа! многое добра лежитъ у тебя на многие годы: покойся, пши, пей, веселись* (Лук. XII, 19¹), говорилъ одинъ изъ тѣхъ. Въ своемъ посланіи къ Тимоѳею св. ап. Павелъ настойчиво совѣтуетъ ему увѣщевать богатыхъ, чтобы они не возлагали своихъ упованій *на богатство непрѣрное*, скоропреходящее, непрочное... (1 Тиме., VI, 17²). Всѣ усилия обладающаго какимъ-либо достаткомъ человѣка, пока онъ еще не подпалъ власти своего богатства, освободиться отъ давленія которой для него уже не всегда бываетъ возможно, должны быть направлены на созданіе такого внутренняго настроенія, при которомъ онъ, — по слову св. апостола, — пользуясь *міромъ симъ*, быль бы *какъ не пользующійся имъ* (1 Кор. VII, 31. 30)³). Разъ это настроеніе будетъ на лицо, внутреннее, нравственное чутье подскажетъ человѣку, гдѣ ему слѣдуетъ допускать бережливость (сравн. Иоан. VI, 12, гдѣ рассказывается о Господнемъ повелѣніи *собратъ оставшиеся послѣ насыщенія пятью хлѣбами и двумя рыбами 5000 человѣкъ куски, чтобъ ничего не пропало*), гдѣ — траты и въ какой мѣрѣ...⁴).

¹: ... *дніе, имаши много блага, лежаша на лѣта многа: почивай, яжди, пий, веселись.*

²: *Богатымъ... запрещай... уповати на богатство погибающее...*

³: ... *требующи міра сего, яко не требующе, т. е., будуть (стх. 31).*

⁴: *Здѣсь не касаемся возникшаго въ настоящемъ случаѣ вопроса:*

Нами выяснено, что человѣкъ-христіанинъ имѣеть право пріобрѣсть материальную собственность и владѣть ею, и указано, какъ онъ долженъ пользоваться послѣднею и какія бываютъ при этомъ нежелательныя ненормальности, отмѣчаемыя дѣйствительностю... Въ извѣстномъ смыслѣ аналогично слѣдуетъ разсуждать и о лицамъ, живущихъ въ бѣдности. Если богатый, какъ говорено, долженъ стоять вѣдь давленія на него со стороны материальнаго богатства, то и бѣдный долженъ ставить свое *я надъ бѣдностю*, помня назиданіе св. ап. Павла: *имѧ пропитаніе и одежду, будемъ доволыни тѣмъ; ибо мы ничего не принесли въ мірѣ; явно, что ничего не можемъ и вынести изъ него* (1 Тим. VI, 8. 7¹). Можно быть и нищимъ, т. е., материально, но въ тоже время быть богатымъ въ иномъ, духовномъ смыслѣ, въ этомъ духовномъ богатствѣ почерпать все необходимое и для своей счастливой жизни, и для пользы окружающей среды. Въ этомъ смыслѣ и говорить св. ап. Павель словами: *мы нищи, но многихъ обогащаемъ; мы ничего не имѣемъ, но всѣмъ обладаемъ* (2 Кор. VI, 10²). При наличии указанныхъ моментовъ дѣло будетъ ебстоять желательнымъ образомъ. Иначе и здѣсь получаются ненормальныя явленія: если стремленіе къ богатству ведетъ людей *въ искушеніе и—стыть, и во многія безразсудныя и вредныя похоти, погружающія людей въ бѣдствіе и пагубу* (1 Тимо. VI, 9)³), то и бѣдность нерѣдко ведетъ наиболѣе слабыхъ духовными силами къ воровству, ко всякаго рода обманамъ съ цѣллю нажить какія-либо материальныя средства; бѣднякъ нерѣдко съ затаенною или даже и открытою завистью и недоброжелательствомъ смотрѣть на болѣе счастливаго человѣка, проявлять недовольство своимъ жребиемъ, ропщеть на правосудного Бога и т. д. Эти явленія общеизвѣстны. Честь бѣдняку, если послѣднія не станутъ его удѣломъ!

А. Бронзовъ.

какъ смотрѣть на отдачу денегъ „въ ростъ“ съ цѣллю увеличенія капитала? Этотъ вопросъ уже достаточно освѣщенъ нами въ нашей статьѣ: *Къ характеристицѣ нравственной стороны современаго общества* (по поводу нынешнихъ ею увлеченій драмы графа Л. Толстого: „Власть тьмы“). См. „Христ. Чтен.“ 1896 г.; вып. 3-й; май—июнь; стр. 714—716).

¹⁾ ... *Ихнюще пишу и одѣяніе, сими доволыни будемъ. Ничтоже бо внесеною въ мірѣ сей, явъ, яко нижѣ изнести что можемъ.*

²⁾ ... *яко ниши, а многи болотище, яконичтоже имуще, а вся содержаше.*

³⁾ *А хотящіи богатитися, опидають въ напасти, и стыть, и въ похоти несмыслины и вреждающія, иже погружаютъ человѣкъ во вселубитеиство и погибелъ.*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки